

АРКТИКА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО КИНОДОКУМЕНТАЛИСТА

Введение

Когда нашу команду документалистов пригласили превращать полярное в популярное, Арктика рисовалась местом брутальным, малодоступным и таинственным...

О, Север! Суровое царство льдов, страна тайги и камней.

Замерзнув, земля не хранит следов, не помнит, кто шел по ней...

Так оно впоследствии и оказалось.

Да и наш путь к детальному киноисследованию Арктики оказался непрост.

Встречая съемочную группу, матерые полярники усмехались, щедро угощали баснями и внимательно вглядывались в лица, почти не слушая вопросов. «Иди, журналистик, пиши свою передачу. Таких тут вас много бывает – поверхностных и несерьезных. Бывай здоров!»

Пришлось нам отслужить «срочную службу» в высоких широтах. Отпахать несколько лет в «полярных университетах». Сделать и сдать «курсовые работы» местным авторитетам и старейшинам. Чтобы признали за своих: проверили, поверили и приоткрыли дверь в мир серьезных арктических процессов – в истории и экономике, на шельфе и островах, в постройке судов и разных увлекательных науках.

Обстоятельность и неторопливость полярного мира и сегодня выглядит вызывающим контрастом постоянно возрастающей динамике повседневности. Привыкнуть, что Арктика – это всегда долго, дорого и непредсказуемо, оказалось не просто, но необходимо. Нам выпал счастливый билет – обеспечить будущие киносеансы увлекательными событиями, которые происходят на этих бескрайних белых просторах. По нашему проекту нельзя сделать универсальные выводы – серия фильмов «Время поляр-

ных стран» в большей части связана с экономикой, наукой и технологиями. Однако некоторые любопытные наблюдения, вероятно, заинтересуют читателя.

Каждой эпохе – свое кино

В те далекие времена, когда Арктику сравнивали с космосом, этот регион представляли документальными докладами о суровых героях, работающих на трассах Северного морского пути, на архипелагах и побережье Ледовитого океана – эпические картины вечных льдов, возвышенная тональность рассказов о первопроходцах и покорении неизведанного, далекого и недоступного – с обязательной символикой СССР. На экраны своевременно выходили фильмы и о фундаментальных арктических исследованиях, и о ландшафтах, и флоре и фауне Заполярья, и о национальных обрядах коренных и малочисленных народов, ведущих свою кочевую и морзвербойную деятельность со времен легендарных.

Четверть века назад концепция документальных фильмов изменилась с исследовательской на расследовательскую. Вошел в моду «другой» Север, вдруг оказавшийся «крайним» для нашей огромной страны. Кинематографистами были востребованы брошенная экономика, плохая экология, бюджетные хищения, беспробудное пьянство всех и повсюду – вот почти исчерпывающий перечень документальной картинки, с энтузиазмом вскрывавшей ранее закрытое и запрещенное. Почти двадцать лет в фильмах и сюжетах на темы Арктики вспоминали о былом и жалели утраченное – считали проданные за рубеж корабли, фиксировали разрушающуюся инфраструктуру Севера и смаковали ценные кадры разрезания стратегических подводных лодок с ракетами.

Потом Арктика стала как будто ближе и доступнее. Кроме местных старожилов – научных специалистов, моряков, летчиков, промышленников и военных – в полярные широты забрались похитители мамонтовой кости, исследователи разного абандона («мертвых дорог», поселков, лагпунктов, «забытых цивилизаций»), геокэшеры, автостопщики, дауншифтеры и организованные туристы, поддержавшие чахнувший одно время российский атомный флот регулярными заказами на путешествия к Северному полюсу и на архипелаг ЗФИ с его неугомонными птичьими

Дрейфующая полярная станция СП-37 докладывает обстановку.

базарами и фантастическими пейзажами. В Арктику постепенно проникли и рыночные отношения, и новые технологии транспорта и связи. Они-то и заставили переосмыслить процессы, происходящие в регионе. Востребованным оказалось прагматичное и деловое документальное кино. По-арктически – красивое, по-северному – лиричное, по-научному – точное и познавательное. Это сочетание «физики» и «лирики» стало требованием сегодняшнего времени. Почему?

Технологии документальной правды

В экстремальных условиях Севера цена выявленных недоработок и неточностей кратно возрастает. Поэтому в суровой Арктике – устойчивый спрос на суровую, но правду. Содержание документальных фильмов обязано быть достоверно, наверняка и перепроверено. А если без выдумки не обойтись, фантазии приветствуются обоснованные, не оторванные от реальности и естественности. И поскольку в Арктике ценят подлинность, в первую очередь здесь востребован «метод киноправды» – документальное фиксирование процессов, «как есть»: в ландшафтах, в состояниях, в людях, в проблемах. Этот метод позволяет заглянуть из настоящего в прошлое и, опираясь на тренды, тенденции и прогнозы, прозондировать возможное будущее.

Кстати, будущее в Арктике традиционно встречают с надеждой – одним из неофициальных гимнов полярников до сих пор сохраняется та самая, пахмутовская, «Надежда»...

Что же удалось понять нам?

Во-первых, документальная Арктика нуждается в минимальных пояснениях: чаще оказывается, что авторские слова – лишние, «картинка» говорит больше.

Во-вторых, удачный эффект масштаба дают интервальные съемки, фиксирующие движения не только в природе (в атмосфере, гидросфере, биосфере, гляциосфере), но и в технологических процессах – на промышленных производствах или морском транспорте. «Сжимаемая» и «разжимаемая» время, эта технология задает динамику неторопливым изменениям, почти неосязаемым глазом – от микроуровня съемки на точке в конкретном ландшафте до уровня ближнего космоса, откуда совершаются снимки арктического региона. Составленные в динамику точного, сезонного или годового цикла изменений, они позволяют наглядно фиксировать, например, миграции ледовых полей или круговорот атмосферных фронтов.

В-третьих, события, происходящие в Арктике, требуется оценивать «по-гумилевски» – «из мышиной норы, с невысокой горы и с высоты птичьего полета». То есть, чтобы увидеть состояние лесного массива, обязательно нужно отлететь от конкретного листочка на достаточное расстояние – пространственное или временное. Сопоставление локальных процессов с глобальными рамками региона позволяет установить координаты и сориентироваться в любой арктической теме – научной, инфраструктурной или социальной.

В-четвертых, категорически обязателен опыт личного присутствия. Создание киноправды «по мо-

тивам публикаций» не гарантирует необходимой достоверности: любое событие в арктическом регионе почти всегда имеет полярные оценки, и находить баланс между суждениями оказывается не так просто.

В-пятых, исследовательский этап любого серьезного арктического вопроса ведет извилистым маршрутом. Как в рыболовной сети, в Арктике нет «главной ячейки» или «центральной веревки» – зато междисциплинарные, межотраслевые связи очень крепки. Задав однажды вопрос в научном кабинете, в поисках ответа на него можно провести не одну неделю – на заводах, в конструкторских бюро, в отраслевых институтах. На пути к ответу наверняка будет встречена не одна переадресация – в другой город, в другую страну и даже в неясную высокоширотную даль, где в длительной экспедиции проводит исследования единственный эксперт по какому-нибудь узкоспециальному вопросу. По нашему опыту, арктический документалист вынужден свободно ориентироваться в аббревиатурах, офисах и бесконечных структурных изменениях государственных министерств и частных компаний. Он отважно ныряет в пучину, состоящую из слов ААНИИ, ГОИ и ЦНИИМФ, ФГУП «Атомфлот», «Новатэк» и СМЛОП «Варандей», ОСК, ГМСС... – чтобы по частям собрать мозаику из энергичных, но чрезвычайно занятых людей, живых идей, механизмов реализации разных арктических проектов. В целях создания фильма документалист ищет союзников и противников, крепких хозяйственников и неуверенных чиновников, остроумных журналистов и немногословных промышленников...

Свои ответы на возникающие вопросы мы искали в Петербурге и Москве, в Дудинке и Мурманске, в Тикси и Архангельске, в Баренцбурге и Бремене, в Черчилле и Номе, в Хаммерфесте и Порт-Саиде, в посольстве Канады и штаб-квартире НАСА, на НЭС «Академик Федоров» и полярных станциях, в кабинах пилотов и в территориальных управлениях гидрометсети, в погранслужбе и Минэкономразвития и т.д. и т.п. Ищем и сейчас.

Галопом по Арктике, или Живые примеры...

... Два года назад мы, «как есть», инвентаризировали Шпицберген – удивительный мир острокопанных гор и угольных разработок. Успели попасть туда в то самое время, когда промышленная добыча

Вход в заброшенную угольную шахту на окраине Баренцбурга.

арктического угля вступила в фазу своего логичного завершения. Ей на смену как раз заступала другая «добыча» – знаний и впечатлений.

С опозданием лет на пятнадцать здесь, в Баренцбурге, начали строить российский научный центр, который займется фундаментальными исследованиями высоких широт «под боком» Полюса – будет фиксировать «меню», которое предлагает арктическая «кухня погоды», и подготовит новых сотрудников для полярных компаний и северных регионов.

В свою очередь туристические маршруты органично включили в оборот индустриальные «страшилки» шахтерских поселков – Баренцбурга, Пирамиды и Груманта. Призраки прошлого оказались ходовым товаром для настоящего и будущего. А сам Шпицберген погружает любого вновь прибывшего в свою «машину времени» и щедро делится такими состояниями природы, за которые вертолетчик и поэт Вадим Базыкин назвал его «северным филиалом Божьего рая». Другой авиатор, командир отряда, работающего с государственным трестом «Арктиуголь», Николай Киреев, свои эмоции выразил так: «Шпицберген – это сказка. Он не бывает некрасив. Над ним летишь – как будто кино смотришь: в каждом фьорде своя климат, своя красота. На юге, где Гольфстрим, одна природа, на севере, где вечные льды, – другая. В апреле это просто сахарная страна: все искрится, переливается. В августе горы похожи на Таджикистан, а полярной ночью – полная темнота и покой такой, что чувствуешь себя не летчиком, а космонавтом».

Здесь добавить нечего – на Шпицбергене нужно снимать, снимать и снимать. Востребовано документальное кино на темы, связанные с историей и подробной географией этого необычного архипелага, с внедрением технологий работы с индустриальными ландшафтами, с развитием научных сервисов, с подготовкой специалистов, способных работать на стыке арктических дисциплин, а также с рекреационным туризмом. Интересны и кинодокументы, освещающие появление новых бизнес-проектов в уникальных условиях этой безвизовой территории и обеспечение их деятельности российским дипломатическим ведомством. Которое, как почти любое российское ведомство, традиционно не спешит ничего обеспечивать. И это поведение – тоже тема отдельного репортажа...

Закат на Грэн-фьорде.

Передвигаясь с запада Арктики на ее восток, мы задались вопросом – когда и при каких условиях Северный морской путь вернет авансы отечественным и зарубежным полярным пророкам и наконец станет стратегической деловой трассой для мирового товарного потока? Нам удалось пройти из Европы в Азию – от Роттердама до Шанхая – на новых контейнеровозах и танкерах. Тем самым лично убедиться в существовании и вполне реальных перспективах этого инфраструктурного проекта. Поблагодарим «Норильский никель» и «Совкомфлот» – именно эти компании первыми в России заявили моду на корабли усиленных ледовых классов, оснащенные азиподными двигателями, и построили новый арктический флот. Эти суда способны самостоятельно передвигаться в сложных ледовых условиях, ранее недоступных коммерческому транспорту. С появлением новых технологий окно навигации по трассам Северного морского пути оказалось расширено. Сначала – на западном участке. А после того, как на побережье Ледовитого океана и арктический шельф вышли нефтегазовые компании, на севере Сибири начал формироваться источник нового грузопотока. Это заставило выстраивать схемы проводки между Европой и Азией крупнотоннажных – водоизмещением до 160 000 тонн – кораблей, никогда еще не проходивших высокоширотными маршрутами вдоль берегов России.

В 2010–2011 годах пробные рейсы были проведены и оказались успешными для современных «пионеров Севера». Льды русской Арктики транзитом с запада на восток и обратно прошли корабли под разными флагами. Сэкономили время и деньги. В сопровождении атомных ледоколов и без такового. И мы документально фиксируем реальность с бортов – рубим торосы, пробираемся в разводьях мимо огромных ледовых полей, устремляем объектив в ионосферу где-то в море Лаптевых и одновременно подымаем архивы – изучаем историю вопроса, наблюдаем за изменениями источников грузопотока, цитируем классиков ледовых исследований, северного судостроения и стратегического взгляда на развитие Арктики. Выясняем, что восемьдесят лет назад белое и пустынное пространство меньше чем за десятилетие было превращено в регулярно действующую, оживленную магистраль. За считанные годы развернута необходимая инфраструктура – коммуникации, связь, метеорологические и «топливозаправочные» станции, налажены ледовая разведка и гидрографическая служба... Восемьдесят лет спустя – другие технологии, другие инженерные решения, другие объемы перевозок, другие параметры кораблей. Но принципы – принципы остаются те же. Мысли, сформулированные российскими и зарубежными специалистами десятилетия назад, оказываются научно-обоснованными прогнозами, слегка опередившими свое время. Говорим «спасибо» нашим «разведчикам будущего» и выводим Северный морской путь на мировой рынок грузоперевозок – к геоэкономической аналитике и глобальной картографии мирового хозяйства. Выдержит ли российская полярная магистраль конкуренцию с традиционными маршрутами? Как будет устроен международный

Современный контейнеровоз усиленного класса
«Arctic-Express»

транзит по «Средиземному морю XXI века»? Где – на западе и востоке – разместятся терминалы-накопители арктических грузов?..

Где? Как? Почему? Дерни за дверцу в арктический мир – интересные вопросы и сложнейшие проблемы выпадут на тебя, как атмосферные осадки, вихрем закружатся вокруг и увлекут в невыдуманные, совершенно конкретные измерения.

Что и где снимать современному арктическому документалисту?

Практически все и везде.

Сценаристам и режиссерам на Севере – раздолье. Сотни тем, тысячи героев. Документальная «поляна» современной Арктики почти не тронута: масштабные процессы – природные, промышленные, социальные – по-прежнему скрыты от зрителя. Давно требуется освежить народную память полярными ландшафтами и познакомить с «местными» – флорой, фауной, традициями жизни в экстремальных условиях.

До сих пор не разгаданы загадки полярной истории и географии – от «исчезающих» островов, что время от времени возникают и пропадают в мелководных морях сибирского шельфа (вспомним Землю Санникова) до целых цивилизаций, замерших до поры во времени, – Арктида, Гиперборея, Берингия, «архипелаг ГУЛАГ», «угольная», «научная», «военная». Ранящие следы – брошенные города, угольные поселки, горно-обогатительные комбинаты и военные базы, ржавые от индустриального хлама и скончавшейся местной инфраструктуры, – все они ждут своего автора, человека с широким кругозором и навыками исследователя. Потому что здесь же, из-под завалов ветхого и брошенного, пробиваются ростки нового и перспективного – новые станции, новые порты, новые проекты государственных и частных компаний. Звучит непривычно, но начиная с XIV века арктические регионы всегда формировали около трети национального дохода страны. Менялись только источники и названия извлекаемых ресурсов – меха, рыба, моржовый клык, лес, металлы, нефть, газ, – а «доля в бюджете» изменялась незначительно. И этот момент принципиально важен для страны, чья территория на 2/3 – арктическая или приравненная к ней.

Экономическая история – тема для Севера ключевая. Однако на пятки вопроса арктической экономики наступают проблемы экологии, здоровья и качества жизни. В связке следуют дефицит подготовленных кадров для производственных комплексов нового

«Arctic-Express» на пути в Шанхай.
Полярное сияние в море Лаптевых.

типа; научные открытия и внедрение исследовательских сервисов в коммерческий оборот; транспортные технологии ледокольного флота и необходимость его комплексного строительства.

Как выбраться на арктический шельф? Где получить инженерные технологии его освоения? Как устроены сложные подводные комплексы? Какие инфраструктурные проекты за полярным кругом нас ждут? Где разрабатывают механизмы их воплощения? Что содержат правительственные программы развития Севера? Как и когда произойдет обустройство береговой инфраструктуры? Где познакомиться с арктическим транспортом XXI века? Что такое полярная медицина? Вопросы, вопросы, вопросы... Документалисту интересны и те, кто воплощает найденные решения в реальность: люди, их судьбы, их принципы, их качества – капитаны и командиры, инженеры и изобретатели, пограничники и ученые, менеджеры и летчики, косторезы и оленеводы, и, конечно, Никита «Медведьевич» Овсянников с заполярного острова Врангеля, который, кажется, лично знаком с каждым белым медведем. Все эти процессы и явления, самые контрастные и яркие, никуда не уходили из Арктики даже в самые трудные ее годы. И каждый из них может стать предметом исследования документалиста. Завораживающим фоном и захватывающей драматургией Арктика поделится всегда.

Кстати, оператором в Арктике становится каждый. И каждый видит ее по-своему. На арктических островах и побережье кто-то увидит ржа-

Атомный ледокол «Россия»: что там внутри?

Я знал его. Вернее – видел. Встречался в узких коридорах корабля. Здоровался в столовой. Перебросился парой фраз на палубе. Вместе на «Сомове» мы дошли до Земли Франца-Иосифа. Он остался там работать. И вот, спустя месяц, с опозданием, я узнал:

«Белый медведь насмерть загрыз метеоролога Михаила Ерёмкина на гидрометеостанции им. Кренкеля (остров Хейса, ЗФИ)».

«Примерно через месяц тело погибшего в Архангельск доставит научно-исследовательское судно «Михаил Сомов» (данные информационных агентств)».

Так что, как ни крути, а самым главным моим впечатлением от Арктики стала ужасная гибель участника нашей экспедиции.

Говорят, он пошел готовить обычный запуск метеозонда. Мы снимали такой запуск (но не с Михаилом) в начале августа. Огромный белый шар, аккуратно выведенный «за ручку» метеорологом из холодного ангара, трепетал на ветру, морщился, менял форму, словно «последний выдох господина ПЖ». А потом быстро набрал высоту и – исчез. Снять удачно не получилось. Схожесть с фильмом Даниели усилилась, когда мы вышли на берег, к старому аэродрому. Разбитый пепеластер-самолет, десятки тысяч ржавых бочек, огромные цистерны, гниющая техника. А может, это было похоже больше не на «Кин-Дза-Дза», а на «Сталкер» Тарковского?

Тремя днями раньше на острове Визе мы вместе входили в комплекс зданий бывшей воинской части, кажется, ПВО. И первая же дверь открыла выцветший плакат на стене: «Спартак – чемпион СССР 1991 года». В мыльнице лежало мыло. В стаканчике – зубные щетки. На полках библиотеки стояли книги. На столе аккуратно горкой – пачки дефицитного чая «со слонком». Советские газеты. Какие-то приборы. Детали в промасленной бумаге. Было ощущение, что люди ушли только что. Листья огромного фикуса осыпались желтым прахом, когда я до них дотронулся. В Арктике все процессы замедленны, в том числе и коррозии, и гниения. Позже мы стояли среди ржавых бочек в ожидании вертолета и постоянно озирались, высматривая белых медведей. В кармане у меня лежал пускач и 15 выстрелов «охотничьего сигнала». Но, как сказал капитан, – это вещь практически бесполезная против самого крупного хищника на Земле.

Патроны эти нам посоветовали купить еще в Архангельске. Вообще, купили мы там немало. В каюте на «Михаиле Сомове» не было ни полок, ни крючков, ни замка на двери, ничего из тех мелочей, что делают быт путешественника удобным. Только кровати, старые матрасы и столы. «Сомов» долгих 4 дня стоял у причала в Архангельске, и липкая влажная жара согревала нас. По слухам, залили некачественный керосин для вертолета. Я с сожалением подумал, что и до обеспечения ежегодной арктической экспедиции уже

«Михаил Сомов» в рейсе обеспечения удаленных станций.

вый индустриальный трэш, а кто-то заинтересуется увлекательной топонимикой географических названий – Хейс, Визе, Врангель, Норденшельд, Сибиряков – кто они, откуда? В материковой части внимание привлекут контраст промышленных районов и заповедных мест, бородатые полярники и молодые иммигранты, страдающие сегодня от недостатка романтики. Несмотря на кажущуюся застылость, в Арктике много движения – льды, течения, атмосферные фронты, стада оленей, стаи перелетных птиц, корабли, времена года, полярные сияния, потоки газа и нефти, команды вахтовиков – настоящий калейдоскоп событий. Хорошая оптика, надежная техника, устойчивая к морозу, вибрации, влажности и песку, – и можно отправляться в путь, фиксировать реальность.

Впечатления дилетанта, или «Как я провел это лето...»

Лето 2011 года часть нашей команды провела в обследовании состояния береговых и островных баз сети Росгидромета в Центральной Арктике. Впечатления одного из участников съемочной экспедиции, что называется, «без купюр», мы сознательно решили вынести в финал этой во многом аналитической, обобщающей статьи. Наш товарищ, режиссер-документалист, новичок полярных съемочных экспедиций, возвращает в суровую арктическую стихию и от первого лица свидетельствует о своем «кризисе» на борту старенького НЭС «Михаил Сомов».

добрались метастазы наживы. Может, поэтому и ракеты наши стали падать чаще?

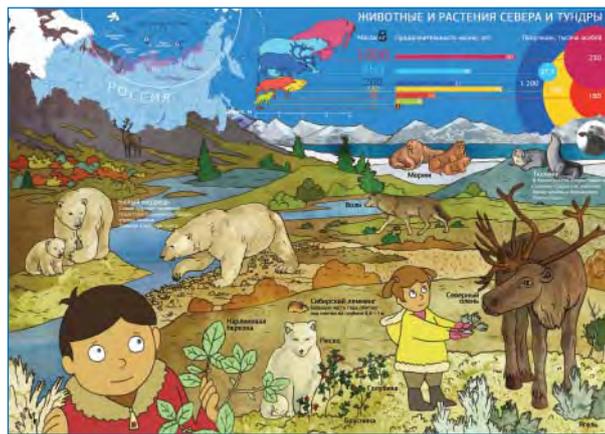
Полтора годами раньше мне уже довелось черпнуть немного «северов». Снимали кино в Белом море, на красавце-ледоколе «Вайгач». Огромный светящийся город. Скандинавская практичность: ковры, лифты, нержавейка, огромный машинный зал, бассейн, спортзал, сауна, постоянно работающий душ, туалет в каюте, удобная мебель. И полное отсутствие видимой вибрации – идем или стоим, в открытой воде или во льду – понять или ощутить было невозможно. На мостике, от капитана Свиридова, я с удивлением узнал, что по прямой во льду никто в Арктике специально не ходит, даже атомные ледоколы. Есть локаторы – и ледовые поля можно обходить. Обходил ледокол и большие стада тюленей. И только отдельные дурачки, уползавшие от корабля вперед, а не вбок, становились невинными жертвами. Конечно, опыт на «Вайгаче» сильно «подпортил» мои представления о том, какими должны быть корабли полярных морей, и о «Михаиле Сомове», в частности.

С опозданием на четверо суток «Сомов» вышел в Мезенскую губу, и сразу стало холодно. А наутро солнце скрылось за облаками, и появилось за полтора месяца всего лишь на один день. Но нам, питерцам, не привыкать. Вообще, эта экспедиция приучила меня к тому, что в Арктике ничего нельзя планировать. График и план перемещения судна – или «ротация», как его называют, – менялись постоянно. В Тикси мы провели четверо суток (двое на судне, двое в аэропорту) из-за тумана. И когда самолет наконец взлетел, ему пришлось пробить двойной слой облаков, прежде чем блеснуло солнце.

В самолете я подумал, что до экспедиции Арктика в моем воображении была огромной, безрадостной заснеженной страной. Страной с глыбами льда, вечной промозглой поземкой, с завываниями пурги. На поверку она оказалась вовсе не такой. Уже в конце рейса возникло желание возвратиться сюда снова. Арктика почему-то очаровывает, затягивает, живет в воспоминаниях. И это странно. Ибо все там, казалось бы, таково, что должно сразу отбить у новичка желание возвращаться в просторы туманов и холода.

В Арктике почти нет случайных людей. И вся она похожа на большую деревню, где все друг друга знают или слышали, хотя расстояния огромны и не слишком хорошо со связью, а тем более с Интернетом. И в этом мире суровых и не всегда бородатых мужчин встречаются нежные молодые девушки, как принято говорить, «прямо со школьной скамьи». Что делают они здесь? На одной из станций на целый год остались две девчужки и двое мужиков. Пусть у них все будет хорошо...

Режим на корабле вовсе не способствует похудению, скорее наоборот. Четырехразовое обильное питание, сонливое высокоширотное, вынужденное безделье в долгих переходах. Такого количества фильмов в городе я не смог бы просмотреть и за пару лет! Читали книги. Оформляли с отцом Дмитрием Лукьяновым корабельный музей. Священник в Арктике – явление сверхуни-

Высокие широты: как устроена жизнь?

кальное. Их всего-то двое на всю бескрайнюю страну холода: отец Агафангел помог нам в Тикси с ночлегом. Слава Богу, причащались регулярно, каждое воскресенье. Маленькие мирские радости рейса – малосоленая рыба с полярных станций да пиво в знаменитой корабельной лавке «Омут»...

Холодно не было. Впрочем, почти не было и льда. Арктика стремительно теплеет. Отдельные поля попались на пути только у острова Визе. А ледники и айсберги ЗФИ заставляли

беспрерывно щелкать затвором фотоаппарата.

Главный ресурс Арктики – это, конечно, люди. Каждый из тех, с кем нам посчастливилось встретиться, – и капитан, и начальники полярных станций, и связисты, и вертолетчики, и начальник экспедиции, и миссионер-священник – все они имеют свою неповторимую судьбу. И каждый из них мог бы стать героем неплохого документального фильма. И у каждого, как теперь и у нас, есть свой ответ, почему так тянет обратно в Арктику...

Из таких компонентов, как видится нашей команде кинопроекта «Время полярных стран», складывается документальный арктический киноязык. Язык фактов и образов, который позволит раскрыть многочисленные грани этого, вроде бы застывшего во льдах, региона. Эти и многие другие истории – только прикоснись к Арктике – ждут своего киноисследователя. Да, арктический документалист обязан стать полярным исследователем, пропустить «через себя» опыт предшественников и самые разные точки зрения – и все-таки избежать вторичности в выводах. Ведь арктические фильмы адресованы тем, кто планирует работать и зарабатывать в России. Тем, кто изобретателен, решителен и хваток. Тем, кто не тратит время на критику других народов, у которых «все ладится» за счет их «бездуховности». Тем, кто при циничной жизни современника не утратил тягу к доброму, чистому и неизведанному. Тем, кто понимает, что великим прошлым сыт не будешь. Тем, кто видит, что в нашей стране надо не только продолжать дело предков, но и начинать свое. Например, в Арктике. А это – благодарная аудитория.

Автор выражает признательность за сотрудничество и помощь в написании статьи своим коллегам по кинопроекту «Время полярных стран» В.А.Мурашкину, И.В.Иванову, М.Ю.Константинову и Я.В.Фомичеву.

Собственные фотоматериалы и инфографика предоставлены для данной публикации создателями проекта «Время полярных стран» www.arcticfilm.ru и дружественным ресурсом www.info-step.ru.

*И.А.Сидельников
(кинопроект «Время полярных стран»)
Иллюстрации предоставлены автором.*